

Андрей Владимирович Егоров

первый заместитель председателя Совета Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, директор Российской школы частного права, главный редактор журнала «Арбитражная практика для юристов», кандидат юридических наук

Платеж третьего лица кредитору помимо его воли

Реформа ГК РФ повлекла серьезные изменения, в результате которых третье лицо было наделено правом исполнить денежное обязательство должника без его согласия в случае просрочки. При этом игнорируется воля кредитора. Кроме того, к плательщику переходят права кредитора, что означает фактически принудительный выкуп долгов. Уже встречаются первые дела, в которых вскрылись злоупотребления плательщиков. Они показывают, что норма ст. 313 Кодекса нуждается в ограничительном толковании.

Ключевые слова: исполнение обязательства, третье лицо, суброгация, злоупотребление правом, добросовестность

Andrey Egorov

First Deputy Chairman of the Board of the Alexeev Research Centre for Private Law under the President of the Russian Federation, Director of the Russian School of Private Law, Editor-in-Chief of *Arbitrazh Practice for Lawyers* Journal, PhD in Law

Third Party Payment to the Lender against His Will

The reform of the Russian Civil Code introduced serious changes, including granting to a third party a right to perform a monetary obligation of the debtor without his consent in case of breach of obligations by the latter. This is possible without having regard to what the creditor thinks about it. Furthermore, the third party payor steps in the shoes of the creditor as the latter's right to the debtor is automatically transferred to the payor. This in fact could be described as the compulsory buyout of debts. There have already been first cases in which payor's dishonest behaviour was evident. These cases demonstrate that the rule of article 313 of the Russian Civil Code (third party payment) needs to be construed restrictively.

Keywords: performance of obligations, third party, subrogation, abuse of right, good faith

Для исследуемой темы очень показательным определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ (далее — Коллегия) от 16.06.2016 № 302-ЭС16-2049 по делу № А33-20480/2014. Рассмотрим вначале фабулу дела. Организация (далее — плательщик) решила перекупить (перехватить) требования, принадлежащие другой организации в отношении несостоятельного должника. Они представляли интерес, поскольку их обладатель выступал заявителем в деле о банкротстве должника и потому пользовался целым рядом привилегий по отечественному банкротному праву (прежде всего привилегией предложения кандидатуры арбитражного управляющего). К слову сказать, привилегией очень странной, если сравнивать с зарубежным опытом. Автор настоящей статьи вот уже с десятков лет надеется, что у законодателя дойдут руки до реформы в этой сфере, направленной на повышение независимости арбитражных управляющих от отдельных кредиторов. Но все никак не получается. Очень заняты другими делами. Принять около 600 законов в год — это огромный труд. Мы все понимаем. Но если бы постарались и в этом направлении, возможно, было бы меньше поводов для применения ст. 313 ГК РФ в обновленной редакции и ее удивительная странность не обнаружилась бы так быстро. Согласно данной норме, если должник находится в просрочке, любое третье лицо может платить за него, не спрашивая ни должника, ни кредитора. Но мало того — к плательщику переходят права, которые принадлежали первоначальному кредитору. Норма очень удивительная, но об этом речь еще впереди.

Чтобы не тратить лишних денег, организация-плательщик перечислила кредитору средства, которые были необходимы только для погашения основного долга кредитора (887 тыс. руб.), но не финансовых санкций (их было примерно в три раза больше). Само по себе такое поведение плательщика ненаказуемо: основной долг и начисленная неустойка суть разные требования, которые живут своей жизнью, и совершенно очевидно, что они могут быть погашены по отдельности.

Кредитор возражал против платежа. Причины понятны и описаны выше. Никому не хочется расставаться с лакомым статусом заявителя по делу о банкротстве. Организация-плательщик тем не менее обратилась в суд с заявлением о процессуальном правопреемстве. Суд первой инстанции отказался проводить правопреемство, апелляционная и кассационная инстанции признали его, но вторая кассационная инстанция в ВС РФ вновь отказала в правопреемстве.

Проще всего в связи с этим выглядит позиция апелляционной и первой кассационной инстанций, которую в сущности можно свести к любимой российскими юристами поговорке *dura lex, sed lex*.

Понятно, что наибольший интерес представляет позиция суда первой инстанции и Верховного Суда. К сожалению, первый из них ограничился фразой, которую очень тяжело понять. Воспроизведем ее только ради интереса (ссылка на судебный акт есть в комментируемом определении): «Однако возникновение обязательства не влечет правопреемства в процессуальном значении, как уже указывалось выше, при суброгации не происходит замена третьим лицом должника в рамках гражданско-правового обязательства, возникает лишь встречная обязанность должника возратить уплаченное третьему лицу в материально-правовом аспекте, процессуального правопреемства не происходит». Пытаясь перевести этот набор слов на юридический язык, можно предположить, что суд имел в виду следующее.

Если третье лицо вдруг платит за должника, то у последнего возникает обязанность погасить выплаченные суммы. Указанная обязанность не является текущей (об этом суд прямо пишет). То есть она вроде как у должника имеется. Но она какая-то иная. Это не то право, которое раньше было у кредитора, а теперь перешло к должнику.

Жаль, нельзя задать судье ряд дополнительных вопросов, например: как быть в этом случае с недвусмысленным текстом ст. 313 ГК РФ о том, что к плательщику переходит именно право требования кредитора, — там ведь даже нет слова «суброгация», которое суд попытался истолковать в том смысле, что под ней можно понимать возникновение у плательщика самостоятельного требования к должнику (в российской юридической терминологии для этого используется специальный термин — регресс, который как раз противопоставляется суброгации)?

Далее рассмотрим, в чем же заключалась позиция Верховного Суда. По мнению Коллегии судей, ст. 313 ГК РФ не может быть дано такое толкование, в результате которого допускалось бы ущемление интересов самого кредитора против его воли. Это весьма важный вывод, который остался в определении без логического завершения, на наш взгляд. Собственно, эта логика, если ее развить, должна была выводить на то, что норму ст. 313 ГК следует применять не буквально, а как-то ограничительно, если кредитор возражает против платежа со стороны третьего лица. Можно согласиться с С.В. Сарбашом в том, что «исполнение обязательства третьим лицом, которое осуществляется без согласия кредитора, является случаем вторжения третьего лица в отношения между кредитором и должником, приватность их юридической связи оказывается потревоженной. Такое вторжение может допускаться правопорядком *при условии, что права кредитора*, его интересы и ожидания *не нарушаются* (курсив наш. — А.Е.) существенным образом»¹. К сожалению, автор не уточняет, в чем может заключаться «недопущение» правопорядком такого нежелательного результата — должна речь идти о недействительности платежа, или о непереходе к плательщику прав кредитора, или о чем-то еще.

Однако Коллегия не сделала такого важного, далеко идущего и чрезвычайно актуального вывода. Она использовала этот аргумент всего лишь как мостик к своему основному доводу о наличии в действиях третьего лица — плательщика злоупотребления правом.

Злоупотребление усматривалось в том, что должник находился в банкротстве, общий размер требований кредитора составлял 3,2 млн, но большую его часть составляли финансовые санкции, которые не давали права голоса и имели более низкую очередность удовлетворения (п. 3 ст. 137 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Здесь уместно привести цитату из определения: «...действия бюро по перечислению предприятию суммы, составляющей основной долг общества, фактически были направлены на принудительный выкуп отдельных прав к должнику в целях получения либо контроля над ходом процедуры банкротства (так как предприятие являлось заявителем по делу), либо дополнительных голосов на собрании кредиторов, без несения дополнительных издержек на приобретение требований по финансовым санк-

¹ Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: учеб. пособие. М., 2016. С. 60.

циям... По сути, третье лицо использовало институт, закрепленный статьей 313 Гражданского кодекса Российской Федерации, не в соответствии с его назначением (исполнение обязательства третьим лицом). В действиях бюро прослеживаются явные признаки злоупотребления правом (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации)».

Следовательно, получилось, что: а) данное конкретное дело решено справедливо; б) абстрактных рекомендаций по толкованию нормы ст. 313 ГК РФ практически не получилось, поскольку аргумент о том, что нельзя помимо воли кредитора платить ему с переходом права кредитора к плательщику, оказался связан со злоупотреблением правом, а его признаки всегда очень ситуативны и не предполагают возможности абстрактного толкования. К сожалению, суд не указал на то, что доводы, которые могли привести к ограничительному толкованию статьи (такие, как запрет ущемления прав кредитора положениями ст. 313 помимо его воли, использование ее не в соответствии с назначением), могут работать сами по себе, без дополнительного поиска каких-то злоупотреблений.

Надо полагать, что если бы плательщик погасил обязательство должника в полном объеме, включая неустойку, решение суда могло быть иным, так как о злоупотреблении плательщика говорить можно было бы с гораздо большей степенью условности.

Таким образом, кассационная Коллегия ВС РФ выполнила задачу, которую должна была выполнять апелляционная инстанция. С этим соображением связан и основной довод, который может быть выдвинут в порядке критики комментируемого дела. Любое злоупотребление правом — это вопрос факта, на наш взгляд. Ни из судебного акта первой инстанции (которая, напомним, ограничилась одним весьма странным доводом о суброгации), ни тем более из акта апелляционной инстанции (которая просто применила ст. 313 ГК РФ и удовлетворила заявление плательщика) не следовало оценки действий плательщика как злоупотребления. Такую оценку этому поведению дал только Верховный Суд.

Ниже остановимся на том, какие же проблемы новой редакции ст. 313 ГК РФ вскрывает данное дело. На наш взгляд, их две. Первая — платеж третьего лица помимо воли кредитора. Вторая — переход к плательщику в силу закона прав кредитора в объеме произведенного исполнения².

В прежней редакции ст. 313 ГК содержалось правило о том, что платеж третьего лица обязателен для кредитора в силу возложения на третье лицо этого платежа (исполнения) должником (такая модель сохранилась и в п. 1 ст. 313 в новой редакции). В этом случае логично, что кредитор был не вправе отказать в принятии исполнения, если исполнение не предполагало строго личные действия со стороны должника.

С этой точки зрения надо аккуратнее относиться к фразам в комментируемом определении о том, что платеж третьим лицом помимо воли кредитора есть зло.

² Оба указанных положения подробно разбираются под критическим углом зрения в работе Э.А. Евстигнеева. См.: *Евстигнеев Э.А.* Изменение условий исполнения обязательства. Какие возможности предоставляют новеллы ГК // *Арбитражная практика*. 2015. № 5. С. 47, 49.

Мы видим, что далеко не всегда. Не любой платеж помимо воли кредитора незаконен, даже если ущемляет его интересы. Например, кредитору принадлежит требование с высокой процентной ставкой и обеспеченное ликвидными активами, и он уже потирает руки, надеясь поживиться в процедуре обращения взыскания на заложенное имущество. Но тут находится третье лицо, которое идет навстречу должнику и готово рефинансировать его с отсрочкой платежа и более низкой процентной ставкой. Оно платит кредитору, и все мечты последнего (называемые законными интересами) рассеиваются как дым. И это нормальное решение.

Нельзя не отметить, что российское регулирование после реформы в части права третьего должника платить без согласия кредитора стало живо напоминать германское, а то, в свою очередь, восходит к высказываниям Ульпиана³. В Германии имеется устоявшееся правило § 267 ГГУ, согласно которому кредитор вправе не принимать платеж от третьего лица только в том случае, если должник возразит. Если должник молчит, то кредитор не может возражать. И следовательно, при отказе кредитора от принятия исполнения он попадет в просрочку⁴. Однако в германской литературе раздаются голоса против данного подхода, которые указывают на необходимость поиска более взвешенного решения⁵. Основной недостаток описанного подхода проявляется в неденежных обязательствах, в которых наибольшее значение имеет ненадлежащее (некачественное) исполнение, поскольку при исполнении обязательства третьим лицом по его собственной инициативе (без возложения) должник не будет нести за него ответственность. Собственная ответственность третьего лица перед кредитором за некачественное исполнение может быть выведена из норм германского права, но это третье лицо, которое кредитор не выбирал⁶. В этом основной негатив вторжения третьего лица в обязательство. Попутно следует заметить, что реформа ст. 313 ГК РФ защитила российское право от этого недостатка: из системного толкования п. 1, 2 и 6 ст. 313 ГК вытекает, что третье лицо не вправе по своей инициативе осуществить неденежное исполнение за должника, даже если тот находится в просрочке (если только третье лицо не имеет какого-то особого интереса, но такой случай довольно сложно представить применительно к неденежным обязательствам)⁷.

Нежданная интервенция со стороны третьего лица может быть неприятна и должнику, которых хотел бы исполнить свое обязательство лично. Обычно интерес

³ См.: *Groeschler P.* in: *Historisch-kritischer Kommentar zum BGB.* Tübingen, 2007. S. 795–796 (с многочисленными сносками на работы Моммзена, Эртмана, Бринца, Арндтса, Барона, Виндшейда и др.).

⁴ См.: *Huber P.* in: *Staudingers Kommentar zum Buergerlichen Gezetzbuch.* Eckpfeiler des Zivilrechts München, 2008. S. 154 (далее — *Staudingers/Eckpfeiler*).

⁵ См.: *Gernhuber J.* *Die Erfüllung und ihre Surrogate* (2. Aufl 1994) § 21 I 4. Цит. по: *Staudingers/Eckpfeiler* S. 155.

⁶ См.: *Staudingers/Eckpfeiler.* S. 154–155.

⁷ Пункт 6 ст. 313 ГК РФ сформулирован, конечно, небрежно, поскольку он может быть применим только в ситуации, когда третье лицо по своей инициативе вторглось в обязательство. Если же должник возложил исполнение на третье лицо, он должен отвечать за действия последнего как за свои собственные (ст. 403 ГК; при этом под оговоркой данной статьи о том, что законом может быть предусмотрена самостоятельная ответственность данного третьего лица, по смыслу закона не должен пониматься п. 6 ст. 313 ГК, в чем видится небрежность написания этого пункта). Подробнее см.: *Евстигнев Э.А.* Указ. соч. С. 49; *Сарбау С.В.* Указ. соч. С. 61–62.

должника отклоняют, ссылаясь на то, что он должен точно так же претерпевать появление в обязательстве третьего лица в том случае, если кредитор уступит свое требование указанному третьему лицу, ведь по общему правилу на уступку не требуется согласия должника⁸. Это верный довод, однако и он не безусловен. Во-первых, в договоре может быть согласован запрет на уступку. Как быть в этом случае? Странно запрещать кредитору уступать требование, но разрешить ему принимать исполнение от третьего лица (с переходом к этому лицу права кредитора). Это был бы типичный обход закона и договорного регулирования. По-видимому, ситуация должна решаться одинаково. И более того, из наличия правил об уступке можно было бы сделать прямо противоположный вывод, чем тот, что делает господствующая доктрина: раз есть уступка, то третье лицо может прийти к кредитору и купить у него право требования. Зачем в таком случае допускать конкурирующий институт платежа третьим лицом кредитору помимо воли должника? Есть конструкция уступки, пусть она и используется. Тем более с ней хватает своих проблем.

Во-вторых, у должника по обязательству может быть правомерный интерес не производить исполнение. Например, он решил задерживать свое исполнение в порядке ст. 328 ГК РФ до момента исполнения встречного обязательства кредитором. Но тут появляется третье лицо и платит за должника. Кредитор, конечно же, с радостью принимает такое исполнение. Сохраняется ли защита должника против требования нового кредитора? По-видимому, да, поскольку действуют правила о переходе требования кредитора к третьему лицу в силу закона. В этой части п. 5 ст. 313 ГК РФ оказывается удачным. То же касается права должника на зачет встречного требования к кредитору (его интерес на зачет сохраняется в силу ст. 412 ГК, поскольку происходит перемена лиц по требованию, против которого он заявит зачет собственным требованием (с кредитора на третье лицо), а не возникновение нового требования у третьего лица в порядке регресса как неосновательное обогащение или по иным основаниям).

Если же ограничения на уступку не были согласованы сторонами и возложение должником на третье лицо не происходило (например, кредитору говорят о том, что оно было, но он не уверен в этом), возможен вопрос: что делать кредитору? Допустим, он не обязан принимать исполнение, но если он его все-таки принял, может ли третье лицо потребовать возврата этого платежа ввиду несоблюдения предпосылок ст. 313 ГК РФ? Хочется надеяться, что нет. Обязательство было исполнено. А последствия в виде регресса или суброгации, которые будут происходить между плательщиком и должником (а равно отсутствие каких-либо последствий), — это вопрос, который, в сущности, самого кредитора затрагивать уже не должен.

Президиум ВАС РФ рассмотрел в 2010 г. одно интересное дело, имеющее отношение к рассматриваемому вопросу (постановление от 28.10.2010 № 7945/10). Третье лицо заплатило за должника, но потом сочло, что платеж был произведен им по ошибке, и, пользуясь тем, что у кредитора, разумеется, не было доказательств реальности возложения платежа как отдельного акта воли должника, обратилось в суд с иском к кредитору о возврате уплаченной суммы. Суд первой инстанции,

⁸ См.: Staudingers/Eckpfeiler. S. 154.

поддержанный окружной кассацией, удовлетворил иск и исходил из того, что кредитор не предъявил письменный документ, которым бы должник возложил исполнение своего обязательства по уплате задатка на третье лицо. Суд также принял во внимание то обстоятельство, что представители должника и третьего лица факт такого возложения в судебном заседании отрицали. По этим основаниям суд счел, что произведенный платеж не может считаться надлежащим исполнением третьим лицом обязательства за должника применительно к п. 1 ст. 313 ГК РФ, и взыскал с кредитора полученную им сумму исполненного, а также начисленные на нее проценты за пользование чужими денежными средствами.

Как указал Президиум (и это толкование сохраняет свое значение также после реформы), по смыслу п. 1 ст. 313 ГК «должник вправе исполнить обязательство, не требующее личного исполнения, самостоятельно или, не запрашивая согласия кредитора, передать исполнение третьему лицу. Праву должника возложить исполнение на третье лицо корреспондирует обязанность кредитора принять соответствующее исполнение. При этом закон не наделяет добросовестного кредитора, не имеющего материального интереса ни в исследовании сложившихся между третьим лицом и должником отношений, ни в установлении мотивов, побудивших должника поручить исполнение своего обязательства другому лицу, полномочиями по проверке того, действительно ли имело место возложение должником исполнения обязательства на третье лицо.

Следовательно, не может быть признано ненадлежащим исполнение добросовестному кредитору, который принял как причитающееся с должника предложенное третьим лицом, если кредитор не знал и не мог знать об отсутствии факта возложения исполнения обязательства на предоставившее исполнение лицо и при этом исполнением не были нарушены права и законные интересы должника. Поскольку в этом случае исполнение кредитором принимается правомерно, к нему не могут быть применены положения статьи 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации, а значит, сама по себе последующая констатация отсутствия соглашения между должником и третьим лицом о возложении исполнения на третье лицо не свидетельствует о возникновении на стороне добросовестного кредитора неосновательного обогащения в виде полученного в качестве исполнения от третьего лица».

Кроме того, судом апелляционной инстанции было установлено, что третье лицо, производя платеж в размере 28,5 млн руб., продемонстрировало кредитору свою осведомленность о характере и условиях возникшего между кредитором и должником обязательства и предложило кредитору принять денежные средства в счет погашения задолженности должника по договору лизинга. Это подтверждается тем, что в платежном поручении третье лицо указало реквизиты договора, заключенного должником и кредитором, сделало ссылку на перечисление средств за должника. Сумма уплаченных денежных средств и срок их перечисления соотносились с условиями основного договора, по которому проходил платеж.

Обобщая проблему вторжения третьего лица в обязательство, можно сказать, что когда не хватает чего-то одного — либо желания должника на платеж со стороны какого-то постороннего лица, либо желания кредитора на принятие такого платежа, — правопорядок как-то с этим мирится. Но когда нет ни того, ни другого,

получается настолько заметный дисбаланс, что судам необходимо вмешиваться в ситуацию.

Далее рассмотрим последствия платежа третьим лицом.

Что происходит в случае, если должник не в курсе желания третьего лица заплатить за него? Здесь могут быть два намерения со стороны плательщика: дарение и попытка обогащения. Если третье лицо пожелает облагодетельствовать должника (что нетипично, но возможно), то обязательство будет прекращено исполнением, но третье лицо не вправе будет ничего требовать от должника. Если же оно хотело что-то от него получить, то ранее речь могла идти только о неосновательном обогащении, причем платить было довольно рискованно ввиду того, что плательщик знал об отсутствии обязательства между ним и должником и в силу п. 4 ст. 1109 ГК РФ суд мог отклонить его требование о неосновательном обогащении. Поэтому раньше платежи со стороны третьих лиц, не согласованные с должниками, были редки, в пределах статистической погрешности. Третьи лица могли договариваться либо с должником (что бы было возложением по ст. 313 ГК), либо с кредитором (через механизм уступки права требования). Теперь же они получили возможность принудительно выкупать чужие долги, не спрашивая согласия ни того, ни другого. И это закономерно не понравилось Верховному Суду. Но здесь неудачна именно конструкция ст. 313 ГК, а не то, что она может приводить к злоупотреблениям. Нужно бороться с причиной (читай: ограничительно толковать эту статью), а не со следствиями (злоупотреблениями).

Что же происходило с правом требования после платежа со стороны третьего лица в прошлой редакции ГК? Чаще всего оно прекращалось именно исполнением⁹. Можно было предположить, что между должником и третьим лицом существовали какие-то отношения покрытия, вводившие каузу платежа. Это могли быть заемные отношения (плательщик предоставлял заем должнику в размере платежа и, значит, у плательщика возникало самостоятельное требование к должнику, а требование кредитора погашалось исполнением), отношения по ведению чужого дела (договор поручения, в котором третье лицо — поверенный производило платеж за счет должника, а тот был обязан компенсировать понесенные издержки), это могло быть исполнение в счет долга, имевшегося у третьего лица — плательщика перед должником (тогда этот долг прекращался исполнением, т.е. встречались две конструкции: переадресация исполнения долга Б перед А с платежом в пользу В (одна плоскость) и возложение исполнения долга А перед В на третье лицо Б (вторая плоскость)), наконец, могло иметь место и обыкновенное дарение.

⁹ Кстати, внутри ст. 313 ГК РФ скрывается еще одно внутреннее противоречие. Если речь идет об *исполнении* обязательства третьим лицом, то обязательство должно именно прекращаться этим исполнением. На это обращают внимание иностранные авторы. См.: *Groeschler P.* Op. cit. S. 787. А если обязательство прекращается, то о каком переходе прав по нему может идти речь в п. 5 ст. 313? В этом плане германское законодательство продуманно и последовательно, ведь в нем в § 267 говорится именно об исполнении третьим лицом (и тогда происходит прекращение обязательства и никакого перехода права в силу закона), а в § 268 — об особом праве третьего лица *Abloesungsrecht*, которое можно перевести условно как «право на вмешательство» или «право на освобождение». И вот в этом случае наблюдается переход прав в силу закона. Отечественное же законодательство, по-видимому, не принимая в расчет подобные догматические рассуждения, традиционно помещает обе конструкции под единую шапку ст. 313 ГК РФ.

Получается, что теперь все эти разнообразные модели заменены моделью суброгации (перехода прав в силу закона) и сторонам придется приспособлять свои бизнес-модели к этому безальтернативному регулированию. Рассмотрим ситуацию с займом со стороны плательщика, на которого должник пытается возложить свое исполнение. Раньше плательщик и должник могли согласовать все условия этого займа сразу, в том числе срок его погашения и процентную ставку. Теперь же они оказываются связанными аналогичными условиями основного обязательства. Допустим, третье лицо готово погасить долг в размере 100 с отсрочкой платежа на год, но с уплатой 30% годовых. Однако по этому долгу проценты начисляются только по ставке рефинансирования (законные проценты), а срок его уже наступил. Что это значит для сторон? После того как третье лицо заплатит, к нему перейдет требование с маленькими процентами и наступившим сроком, т.е. произойдет то, чего оно, в сущности, не хотело, и для приведения ситуации в соответствие с желанием сторон придется заключать дополнительное соглашение об изменении срока возврата долга и увеличении процентной ставки по нему.

Вопрос: это удобно? Думается, что нет. И авторы, предложившие данную поправку в ГК РФ, похоже, об этих проблемах не задумывались, держа в уме какую-то одну гипотетическую ситуацию, в которой переход требования в силу закона оказался бы более удобен для третьего лица¹⁰. Добавим к своим опасениям о пореформенном ухудшении режима платежа по ст. 313 ГК для третьего лица (по крайней мере, для добросовестного третьего лица, которое договаривается с должником) то, что обязанности заключить упомянутое выше дополнительное соглашение на самом деле нет. Ее придется как-то еще вводить. Либо как предварительный договор, либо как соглашение об изменении будущего требования под отлагательным условием его приобретения кредитором (третьим лицом — плательщиком), либо еще как-то. Все эти конструкции не очень-то стабильны в отечественной правоприменительной практике. Вышесказанное в очередной раз свидетельствует о том, что в некоторых случаях новая редакция ст. 313 ГК РФ создает для третьего лица дополнительные заботы, без которых он вполне мог бы обойтись.

Выход мы видим только в том, чтобы толковать положения ст. 313 ГК как диспозитивные¹¹. И это должно касаться в первую очередь последствий платежа, т.е. п. 5 этой статьи. Сторонам (должнику и третьему лицу) следует иметь возможность предусмотреть иные последствия.

Верховный Суд не заметил в данном деле еще один аргумент, демонстрирующий абсурдность решения в ст. 313 ГК новой редакции. Или, может быть, заметил, но решил не использовать. Ведь плательщик, который перекупает долг у кредитора

¹⁰ На деле в ст. 313 ГК РФ в действующей редакции произошла какая-то странная смесь двух норм ГГУ — § 267 и 268. В § 267 идет речь о предоставлении со стороны третьего лица, от которого кредитор может отказаться только в том случае, если возражает должник. Но при этом никакого перехода права к третьему лицу в силу закона не происходит. В § 268 же говорится про предоставление со стороны лица, рискующего утратить какое-либо право на имущество должника (т.е. имеющего законный интерес в исполнении). Для этого случая как раз предусмотрен переход права в силу закона и сделана оговорка о том, что перешедшее право не может быть использовано во вред кредитору.

¹¹ См.: *Евстигнев Э.А.* Указ. соч. С. 49.

помимо его воли, сам становится на место кредитора. А тот, у кого он перекупил долг, оказывается третьим лицом по отношению к данному обязательству. Почему бывший кредитор не может снова его перекупить? Если формально читать закон — к этому нет никаких препятствий. Никаких. И получается нескончаемый круговорот платежей в природе. Такая игра увлекательная может получиться (с закрыванием счетов, чтобы неясно было, куда платить, и многими другими трюками), что любо-дорого посмотреть.

В комментируемом деле имеются сведения о том, что первоначальный кредитор не принял исполнение и вернул третьему лицу полученные от него деньги. Верховный Суд не акцентирует внимание на данном обстоятельстве, приводя его только в доказательство отсутствия воли кредитора на принятие платежа. Но с правовой точки зрения нельзя говорить об отказе в принятии исполнения, когда речь идет о безналичном платеже. В таком случае кредитор, по сути, лишен возможности отказаться и не принимать деньги — они зачисляются на его счет банком по мере поступления и без согласования с ним. Поэтому при обратном перечислении денег имеет место не отказ в принятии исполнения (оно состоялось, как только деньги упали на корреспондентский счет банка), а обратное исполнение обязательства.

В этом контексте видится правильным следующее ограничительное толкование ст. 313 ГК РФ. По нашему мнению, оно должно восходить к принципу добросовестности (ст. 1 ГК).

Если кредитор, которому без возложения со стороны должника заплатило третье лицо, возражает и возвращает деньги назад, то надо считать, что требование возвращается к нему назад. И последующих переходов в будущем уже не будет, сколько бы третье лицо ни платило. Это программа минимум, так сказать. А еще лучше полагать, что переход права в подобной ситуации вообще не состоялся, чтобы не получалось, что третье лицо — плательщик в тот короткий период, пока оно будет кредитором, распорядится указанным правом (передаст в залог или продаст кому-то еще).

Если же кредитор согласен на платеж, то норму о переходе права кредитора к третьему лицу в силу закона (п. 5 ст. 313 ГК РФ) следует применять только в случаях, когда никакого возложения на третье лицо со стороны должника не происходило. При этом данное правило также не должно работать в случае, если соглашением должника и кредитора установлены полный запрет на уступку или необходимость получения согласия должника на нее.

Кстати говоря, одна из функций принципа добросовестности в германском праве — корректирующая. Она помогает судам исправлять даже неудачные правовые нормы¹². Как показывают сравнительно-правовые исследования, без этого не обходятся и в других странах¹³. Надо признать, отечественный законодатель в последнее время многое делает для того, чтобы и в России пошли по аналогич-

¹² См.: *Palandt O.* Kommentar zum Buergerlichen Gesetzbuch. 67. Aufl. München, 2008. § 242. Rn 14a. S. 243.

¹³ См., напр.: *Ranieri F.* Europaeisches Obligationenrecht. 3. Aufl., Wien, 2009. S. 1870.

ному пути и стали развивать эту функцию принципа добросовестности. Думаем, в недалеком будущем у нашего правопорядка появятся все шансы для того, чтобы оставить в этом отношении германский правопорядок далеко позади.

В этом плане комментируемое определение Верховного Суда — шаг в верном направлении.

References

- Evstigneev E.A.* Changing the Conditions of Obligation's Fullfilment. What Possibilities are Given by Civil Code Amendments [*Izmenenie usloviy ispolneniya obyazatelstva. Kakie vozmozhnosti predostavlyayut novelty GK*]. *Arbitrazh Practice [Arbitrazhnaya praktika]*. 2015. No. 5. P. 46–55.
- Palandt O.* Kommentar zum Buergerlichen Gesetzbuch. 67. Aufl. Muenchen, Beck, 2008. 3212 s.
- Ranieri F.* Europaeisches Obligationenrecht. 3. Aufl. Wien, Springer-Verlag, 2009. 2044 s.
- Sarbash S.V.* Elementary Dogmatics of Obligations: A Coursebook [*Elementarnaya dogmatika obyazatelstv: uchebnoe posobie*]. Moscow, Statut. 2016. 336 p.
- Staudinger J. von.* Kommentar zum Buergerlichen Gezetzbuch. Eckpfeiler des Zivilrechts. Muenchen, Beck, 2008. 1698 s.
- Zimmermann R., ed.* Historisch-kritischer Kommentar zum BGB. Tuebingen, Mohr Siebeck. 2007. 2776 s.

Information about the author

Andrey Egorov — First Deputy Chairman of the Board of the Alexeev Research Centre for Private Law under the President of the Russian Federation, Director of the Russian School of Private Law, Editor-in-Chief of *Arbitrazh Practice for Lawyers Journal*, PhD in Law (103132 Russia, Moscow, Ilyinka St., 8/2; e-mail: law_egorov@rambler.ru).